

Борис ДУБИН

Россия и соседи: проблемы взаимопонимания

Украина и Крым, Беларусь и Молдова —
Это моя страна!
Олег Газманов. "Сделан в СССР".

Поки не тізно — бийся головою об лід!
Поки не темно — бийся головою об лід!
Олег Лишега. "Пісня 551".

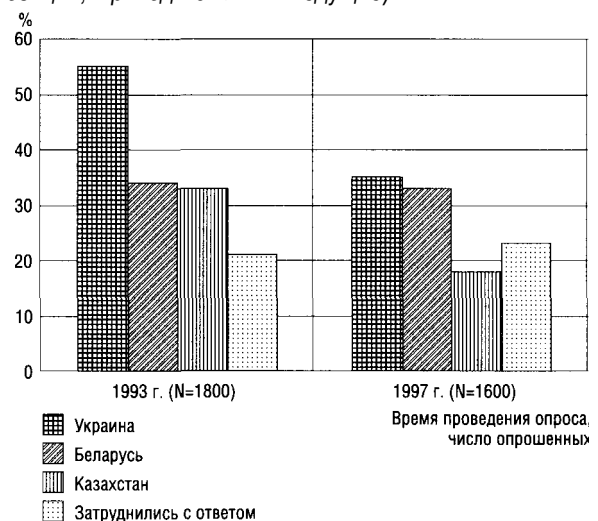
От СССР к СНГ: перспективы взаимодействия и оценки новых отношений. Прекративший существовать в декабре 1991 г. Советский Союз для большинства россиян еще долго представлял, а во многом и сегодня представляет социально-политическое и цивилизационное целое, с воображаемыми рамками которого они себя соотносят (речь идет и будет идти далее о массовых мнениях, а не о планах и действиях властвующей элиты и политического класса, не о внешней политике государства как таковой). Дело не только в резко негативном отношении российского населения к тому факту, что СССР больше нет, и в сожалении о нем более чем двух третей граждан новой России, но и в высокой позитивной значимости самоопределения "советский человек". В 1994 г. так или иначе ("постоянно" и "иногда") советскими людьми чувствовали себя 58% россиян, причем 30% опрошенных осознавали себя советскими людьми "с гордостью"¹.

На образ прежнего СССР преобладающая часть граждан России проецировала отношения своей вновь возникшей республики с государствами, конституировавшимися на месте прежнего Союза. В качестве наиболее значимых партнеров при этом с самого начала мыслились самые крупные страны (Украина, Белоруссия, Казахстан), среди населения которых была к тому же значительная доля русских и которые, как предполагалось, сохраняли и демонстрировали символическую близость к России (рис. 1).

Новое положение, новая после 1991 г. роль России в мире далеко не сразу стали фактами массового сознания (это распространяется также на властную и культурную "элиты", и

можно сказать, что данный факт в должной мере не усвоен по сей день). Поэтому внезапное изменение размеров и статуса страны, основ ее внешней политики, норм взаимодействия с ближайшими соседями и большим миром для массы россиян не повлекли за собой решающих перемен в структуре коллективной идентификации, в значимости при этом характеристик государственной принадлежности. Российское, относящееся к России, не противопоставлялось советскому, относящемуся к СССР. Напротив, Россия как бы продолжала СССР, но в уменьшенном масштабе. Компенсацией же за уменьшение, дополнением до прежней величины, можно сказать, служили другие страны, вошедшие в СНГ. Иначе говоря, они были значимы для россиян тем, что воплощали в себе качество "советского", причем в сравнительных масштабах, соответствующих величине той или иной республи-

Рисунок 1
СКАКИМИ ИЗ РЕСПУБЛИК БЫВШЕГО СОЮЗА РОССИИ СЛЕДОВАЛО БЫ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ РАЗВИВАТЬ ОТНОШЕНИЯ? (в % от общего числа опрошенных в каждом замере; можно было выбрать несколько позиций, приводятся лишь ведущие)



¹ Подробнее см.: Левада Ю. Человек в поисках идентичности: Проблема социальных критериев [1997] // Левада Ю. От мнений к пониманию. М., 2000. С. 422–437. Данные общероссийских опросов Левада-Центра приводятся здесь и далее без дополнительных указаний, материалы опросов, проведенных Центром на Украине и в Белоруссии, особо оговариваются.

Таблица 1

КАКУЮ ФОРМУ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКАМИ БЫВШЕГО СССР ВЫ БЫ ЛИЧНО ПОДДЕРЖАЛИ?

(е % от общего числа опрошенных в каждом замере; 1993 г., N=1800 человек; 2001, 2003 гг., N=1600 человек)

Вариант ответа	1993 г.	2001г.	2003 г.
Восстановление СССР в прежнем виде	27	23	25
Сохранение СНГ в нынешнем виде	5	13	13
Объединение нескольких республик по желанию	33	32	24
Более тесное объединение всех республик бывшего СССР по образцу ЕС	*	15	17
Независимое существование всех республик	16	12	11
Затруднились ответить	19	5	10

* Данный вариант ответа в опросе отсутствовал.

ки. Скажем, Эстония или Литва были, с точки зрения россиян, не только малы по размерам, но и в наименьшей степени могли отождествляться с Советским Союзом, там — и на государственном уровне, и в массмедиа, и в бытовом поведении — проявлялось дистанцирование от всего советского, "антироссийские и антирусские настроения" и пр.

Потенциальные политические партнеры России оценивались в данном случае не столько по их содержательной значимости, не по тем или иным функциональным достижениям, уровню развития и другим качествам, которые могли бы служить ориентиром, образцом, поддержкой, сколько по тому, что они — не "другие", а такие же (или почти такие же), как "мы". Сразу замечу, что степень единства мнений россиян в данном вопросе, сначала высокая, особенно по поводу желательности отношений с Украиной, впоследствии стала падать. Более устойчивыми оказались оценки близости и перспективности связей с Белоруссией (табл. 1).

Только что образованный СНГ виделся большинству российских граждан некоей промежуточной формой коллективного существования и самоопределения. Самой своей как бы однородной массой в силу соответствующей инерции он позволял сохранять в сознании россиян воображаемое ядро и контуры бывшего СССР. В отношении же к практическим перспективам СНГ у россиян в первые годы преобладала значительная неопределенность. Будущее этого политического союза чаще всего представлялось им процессом "длительных и трудных поисков согласия", тогда как надежды на реальную связь и устойчивое взаимодействие были достаточно скромны. Такая конструкция оценок сохраняется и впоследствии. Будущее СНГ видят в укреплении связей между странами примерно 25% опрошенных, но уровень неопределенности и

отсрочка результатов всегда удерживается выше, на отметке в 33–35% респондентов, а временами и более, и этот показатель остается ведущим. Отмечу, что оценки СНГ партнерами России по Союзу (например, населением Украины) были и продолжают оставаться значительно более позитивными (табл. 2).

Со временем, во второй половине 1990-х годов, в оценках отношений России со странами СНГ у россиян начинают преобладать такие, как "нор-

Таблица 2

КАКОЕ БУДУЩЕЕ ОЖИДАЕТ СНГ?

(е % от общего числа опрошенных в каждом замере; (N=1600 человек, кроме 1992 г., N=1700; Украина, N=2000 человек)

- 1 — интеграция, укрепление связей между странами;
- 2 — длительные и трудные поиски согласия;
- 3 — усиление конфликтов между странами;
- 4 — распад СНГ;
- 5 — затруднились ответить.

Год	Вариант ответа				
	1	2	3	4	5
1992	7	31	20	21	21
1994	29	33	10	11	17
1995	18	35	15	13	19
1996	16	34	15	11	24
1997	15	34	14	15	22
1998	18	37	13	16	16
1999	29	31	10	12	18
2000	33	35	5	7	20
2001	24	34	10	16	16
2002	22	37	12	14	15
2003	25	32	13	9	21
2004	25	42	11	8	14
2004 (Украина)	36	24	4	8	28

Таблица 3

КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ НЫНЕШНИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ДРУГИМИ СТРАНАМИ СНГ? (в % от общего числа опрошенных в каждом замере; Россия, N=1600 человек; Украина, N=2000 человек; Белоруссия, N=1000 человек)

Вариант ответа	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2004 г.	
						Украина	Белоруссия
Дружественные	6	8	9	11	7	24	18
Хорошие, добрососедские	7	14	7	13	12	23	21
Нормальные, спокойные	23	33	30	35	29	28	33
Прохладные	30	25	28	25	35	13	19
Напряженные	21	10	16	9	11	8	4
Враждебные	4	2	4	2	1	1	1
Затруднились ответить	9	8	6	5	5	3	4

малыше, спокойные" и "прохладные". В сумме подобные ответы, в которых уже можно различить оттенки подозрительности и обиды, дают вначале около половины опрошенных, а затем уже почти две трети российских респондентов. Причем и здесь у граждан Украины и Белоруссии позитивные оценки, если сравнить их со средними российскими, заметно выше (табл. 3, рис. 2 и 3).

Налицо заметная асимметрия взаимных ожиданий и оценок. Если обобщить приведенные и другие имеющиеся данные, то можно сказать, что СНГ как целое и его реальную политическую, экономическую, социальную эффективность россияне оценивают достаточно низко ("не имеет влияния"), отношения своей страны с другими странами Союза трактуют чаще всего как отношения равных, однако со временем все реже считают эти отношения дружественными и как бы обвиняют в этом "охлаждении" своих партнеров. Со стороны масс в России нарастает настороженность к ближним и дальним соседям, зачастую завуалированная, не выраженная напрямую.

Так, подавляющее большинство российского населения (порядка $\frac{3}{4}$) заявляют о своем положительном отношении к ЕС. Однако вступление в него считают желательным для своей страны гораздо меньшая часть россиян¹, но гораздо более значительная, в сравнении с россиянами, часть украинцев (доля не определившихся, затруднившихся с ответом в украинском опросе —

см. таблицу 4 — более чем в два раза ниже, чем в российских). Более того, тяготение Украины, а также стран Балтии к Европе, Европейскому Союзу и особенно к НАТО оценивается российским населением все более отрицательно, и негативное отношение явно преобладает (табл. 4, рис. 4).

Черты обобщенного "Другого" именно как другого, непохожего, а значит, самостоятельного, вызывают у россиян напряженность, отторжение, подозрение в охлаждении. Иначе говоря, сходство, единство ставятся выше различий, так что эти последние с трудом замечаются россиянами и с колоссальным внутренним сопротивлением ими принимаются. Напротив, население ближайших по языку, культуре, составу населения стран СНГ — Белоруссии, Украины — оценивает значимость этого Союза достаточно высоко и всегда заведомо выше, чем россияне, дает положительные оценки характеру нынешних

Таблица 4

ПОСЛЕ ТОГО, КАК ПОЛЬША, ЧЕХИЯ И ВЕНГРИЯ ВСТУПАЮТ В ЕС, КАК СЛЕДУЕТ СТРОИТЬ СВОИ ОТНОШЕНИЯ С ЕС?

(в % от общего числа опрошенных в каждом замере)

Вариант ответа	России*	России**	Украине*
Идти своим путем	33	30	28
Тоже вступить в ЕС	15	15	24
Не вступая в ЕС, развивать с ним сотрудничество	18	18	29
По-другому	0	0	2
Затруднились ответить	35	37	17
Число опрошенных	2400	2400	1000

* 2000 г.

** 2001 г.

¹ Подробнее об отношении российского общественного мнения к Европейскому Союзу см.: Гудков Л. Россия и Восточная Европа: Взаимная отчужденность и равнодушие // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 5 (73). С. 63–75; Дубин Б. К вопросу о выборе пути: Элиты, масса, институты в России и Восточной Европе 1990-х годов // Там же. 2004. № 6 (74). С. 22–26.

Рисунок 2
КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ В ЦЕЛОМ НЫНЕШНИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ УКРАИНОЙ И РОССИЕЙ?
 (в % от общего числа опрошенных в каждом замере)

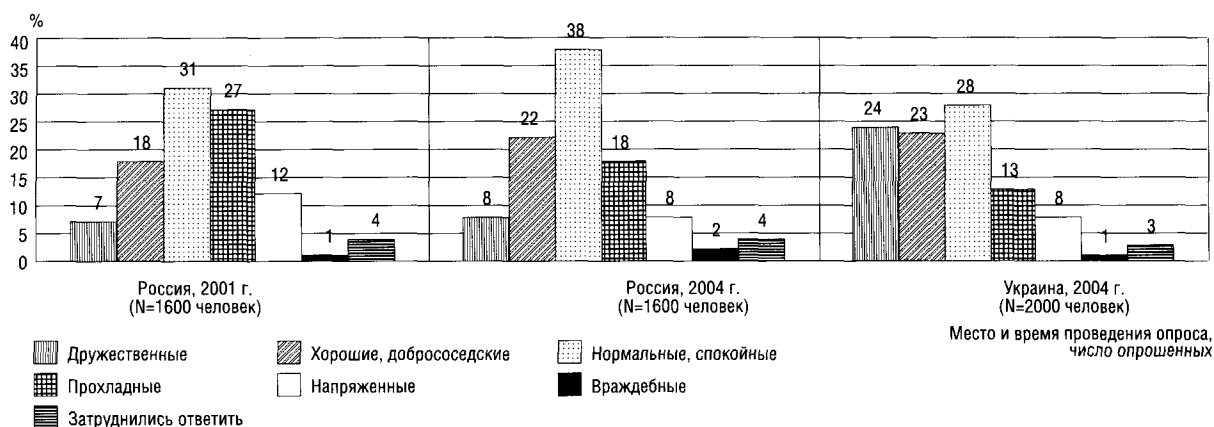
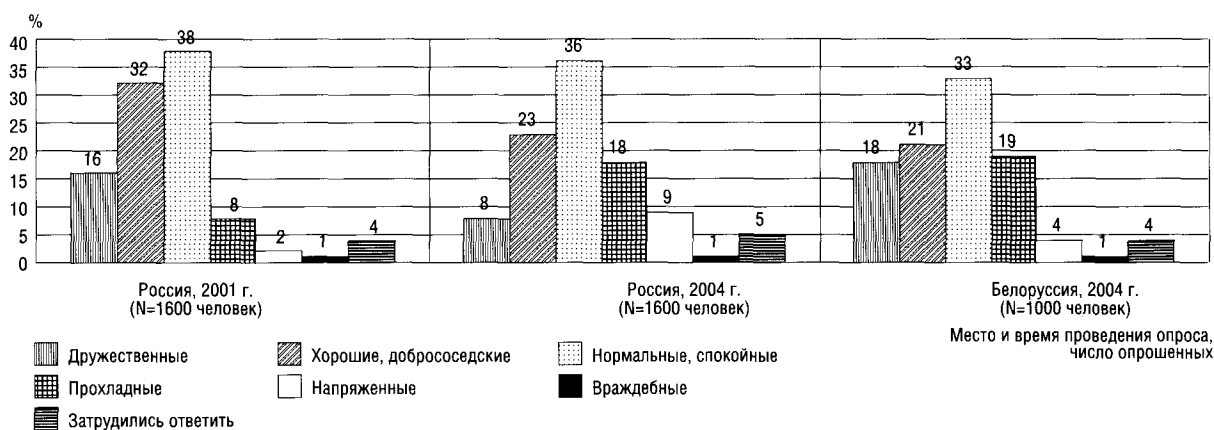


Рисунок 3
КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ В ЦЕЛОМ НЫНЕШНИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ БЕЛОРУССИЕЙ И РОССИЕЙ?
 (в % от общего числа опрошенных в каждом замере)



отношений с Россией, но при этом нередко отмечает имперские амбиции "Москвы" ("Кремля"), ее стремление быть в Союзе, по определению, независимых все-таки первой (табл. 5 и рис. 5).

В России межгрупповые колебания только что приведенных средних оценок не слишком заметны, такова же ситуация в Белоруссии. На Украине же наиболее сильное влияние на оценки российской внешней политики оказывают возраст, уровень образования опрошенных, но особенно социокультурная география (табл. 6, рис. 6 и 7).

Россияне не только не мыслят своей страны вне политического союза с другими республиками бывшего СССР, но полагают, что и народам других стран такой союз был бы полезен (рис. 8).

Рисунок 4
КАК БЫ ВЫ ОТНЕСЛИСЬ К ВСТУПЛЕНИЮ В НАТО БЫВШИХ РЕСПУБЛИК СССР — СТРАН БАЛТИИ, УКРАИНЫ И ДР.?
 (в % от числа опрошенных в каждом замере; N=1600 человек)

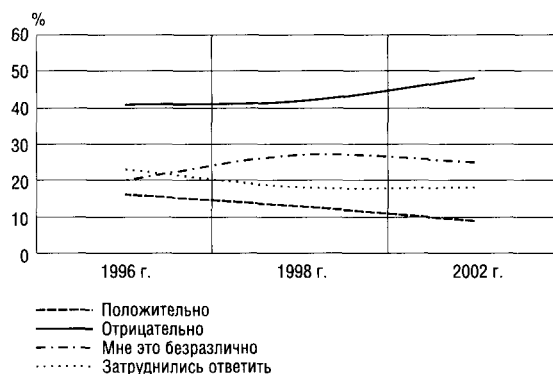


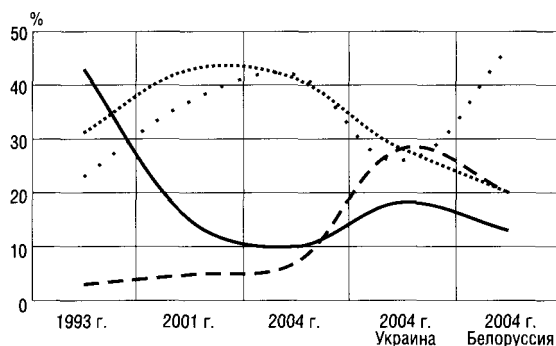
Таблица 5
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СНГ...

(в % от общего числа опрошенных в каждом замере; Россия, N=1600 человек; Украина, N=2000 человек)

Вариант ответа	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2004 г. Украина
Помогает сохранить добрые отношения между странами	24	29	24	39	40	48
Обостряет противоречия между странами	23	19	17	8	11	10
Не играет большой роли в отношениях между странами	38	36	44	41	38	24
Затруднились ответить	15	16	15	12	11	18

Рисунок 5
КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ НЫНЕШНЮЮ РОЛЬ РОССИИ В ПРОСТРАНСТВЕ БЫВШЕГО СССР?

(в % от общего числа опрошенных в каждом замере; Россия, N=1600 человек, кроме 1993 г., N=1800 человек; Украина, N=2000 человек; Белоруссия, N=1000 человек)



- Россия заботится о поддержании порядка, является гарантом мира и стабильности в регионе
- ... Россия ведет собственную политику, не вмешиваясь в дела других государств региона
- .-.- Россия ведет имперскую политику и представляет угрозу суверенитету других государств региона
- Затруднились ответить

Понятно, что большинство россиян не считают страны, образовавшиеся на территории бывшего СССР, в точном смысле слова "зарубежными". Вынужденная необходимость в отдельных случаях все-таки признавать этот факт (подчиненный статус русского языка в большинстве республик, визовый порядок в случае поездок и т.п.) служит для россиян лишь источником дополнительного раздражения (табл. 7).

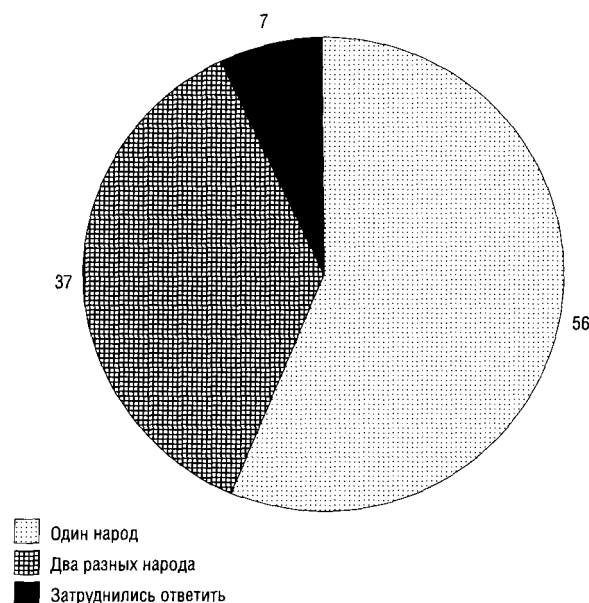
Некоторые, но не очень большие колебания приведенных оценок дает лишь возрастной фактор. Если среди самых молодых россиян указанное соотношение выглядит как 34:61, то среди самых старших — как 25:72. Во всех остальных более или менее крупных группах российского населения Украину не расценивают как зарубежное государство от 60 до 75% опрошенных.

Вместе с тем идея отдельного политического существования самостоятельной, ни с кем на постсоветском пространстве не блокирующейся России тоже не находит понимания у основной массы россиян. В 1996 г. (N=1700 человек)

Таблица 6
ОЦЕНКА УКРАИНЦАМИ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА, УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ ОПРОШЕННЫХ И РЕГИОНА
(в % от числа опрошенных в каждой группе, 2004 г., N=2000 человек, без затруднившихся с ответом)

Группа	Россия заботится о поддержании порядка	Россия не вмешивается в дела других стран региона	Россия ведет имперскую политику
Возраст:			
18–24 года	25	23	31
25–39 лет	23	26	34
40–54 года	27	29	29
55 лет и старше	33	24	22
Образование:			
начальное, неполное среднее	31	23	22
среднее общее	31	26	25
среднее специальное	25	26	32
незаконченное высшее	20	28	30
высшее	25	29	34
Регион:			
Восток	60	34	Меньше 1
Запад	4	2	87
Центр	25	25	25
Киев	12	18	51
Север	10	22	26
Юг	39	21	14

Рисунок 6
КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, РУССКИЕ И УКРАИНЦЫ - ЭТО ОДИН НАРОД ИЛИ ДВА РАЗНЫХ НАРОДА?
 (в % от общего числа опрошенных; 1997 г., N=1600 человек)



такую политическую форму предпочли только 10% опрошенных. Большинство же поддержали позицию политического или экономического союза с теми либо иными из бывших республик СССР, в том числе 27% высказались за воссоединение всех республик в новый СССР.

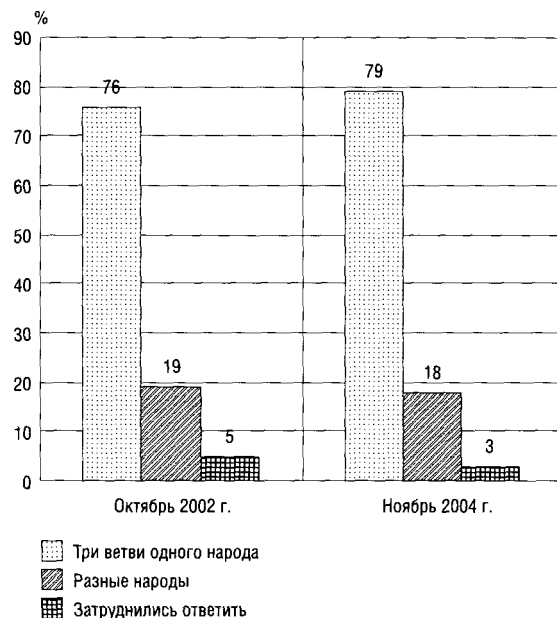
Напротив, относительное большинство населения Украины последовательно высказывалось за независимость своей республики и подтвердило этот свой выбор на рубеже столетий (см. ниже данные опроса в 2000 г., рис. 9). Напомню, что еще на общесоюзном референдуме в марте 1991 г. за суверенитет Украины высказалось свыше 80% населения, а на украинском референдуме в декабре того же года, накануне Беловежской встречи, — даже 90% с лишним, причем на русскоязычном юго-востоке республики — свыше 80%, а в Крыму — более 54%¹.

Соответственно разнятся оценки распада советского целого в России и на Украине.

Наиболее значительные колебания в только что приведенных оценках произошедшего наблюдаются в России между различными возрастными группами. Воздействие таких факторов, как уровень образования и степень урбанизирован-

¹ Национальные истории в советском и постсоветском государствах. М., 2003. С. 207. В июле и августе того же года Верховной Радой были приняты Декларация о государственном суверенитете и Акт независимости Украины.

Рисунок 7
КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, РУССКИЕ, УКРАИНЦЫ И БЕЛОРУСЫ - ЭТО РАЗНЫЕ НАРОДЫ ИЛИ ТРИ ВЕТВИ ОДНОГО НАРОДА?
 (в % от общего числа опрошенных; N=1600 человек)



ности (тип поселения), значительно ниже (табл. 9).

На Украине же к отчетливо дифференцирующему оценки возрастному фактору присоединяется опять-таки "географический", причем заметно более сильный. За ним стоят социальные

Таблица 7
СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ УКРАИНУ ЗАГРАНИЦЕЙ?
 (в % от общего числа опрошенных в каждом замере, N=1600 человек)

Вариант ответа	2001 г.	Ноябрь 2004 г.
Да	31	28
Нет	65	68
Затруднились ответить	4	4

Таблица 8
СОЖАЛЕЕТЕ ЛИ ВЫ О РАСПАДЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА?
 (в % от общего числа опрошенных в каждом замере; декабрь 2004 г.)

Вариант ответа	Россия	Украина
Да	68	50
Нет	26	39
Затруднились ответить	6	11
Число опрошенных	1600	2000

Рисунок 8
В КАКОМ СОЮЗЕ БЫЛО БЫ ЛУЧШЕ ЖИТЬ НАРОДУ УКРАИНЫ? (в % от общего числа опрошенных, 2001 г., N=1600 человек)

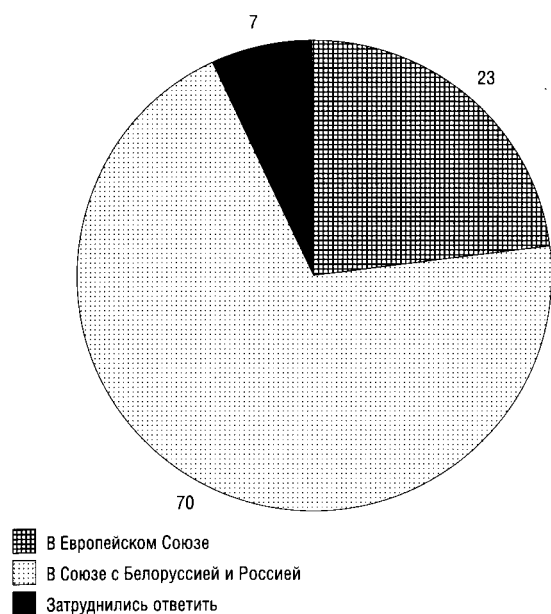
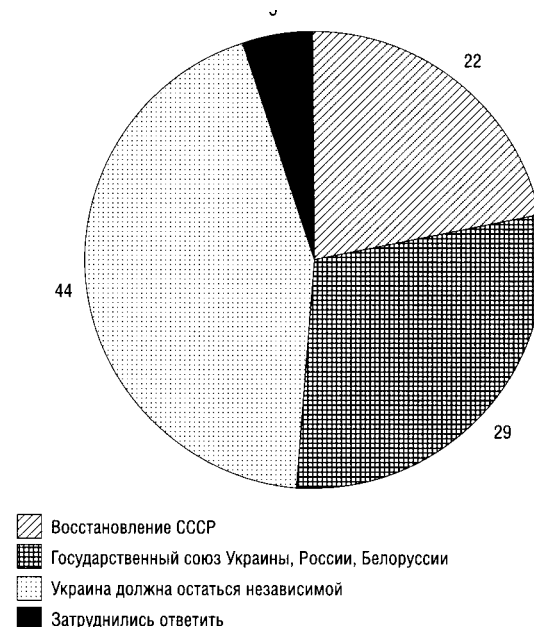


Рисунок 9
КАКОЙ ИЗ ПРЕДЛАГАЕМЫХ ВАРИАНТОВ ВЫ БЫ ЛИЧНО ПОДДЕРЖАЛИ? (в % от общего числа опрошенных, Украина, 2000 г., N=1000 человек)



и культурные различия между востоком и западом страны (табл. 10).

Население Беларуссии в большей мере, чем Украины, ориентировано на союз с Россией. Но и оно в массе вовсе не поддерживает идею слияния двух государств в одно. Если идея государственного единства двух стран (единства, как можно предположить, в недавнем прошлом) значима для половины белорусских респондентов, а не поддержана третью опрошенных (1998 г., N=1000 человек), то слияние в одно политическое целое как перспективу одобряют лишь 30%; напомним, кроме того, что в опросе 2004 г. 20% белорусов отметили гегемонистские амбиции России, по их мнению, угрожающие

Таблица 9
ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН РАЗЛИЧНЫХ ВОЗРАСТНЫХ КАТЕГОРИЙ К РАСПАДУ СССР (в % от общего числа опрошенных; декабрь 2004 г., N=1600 человек)

Возраст	Сожалуют	Не сожалуют	Затруднились ответить
18–24 года	40	48	12
25–39 лет	58	35	7
40–54 года	75	20	5
55 лет и старше	83	14	3

суверенитету других стран СНГ (табл. И и 12, рис. 10).

Россия: базовая конструкция коллективной идентичности. Достаточно низкая, как видим, заинтересованность россиян в самостоятельных

Таблица 10
ОТНОШЕНИЕ УКРАИНЦЕВ К РАСПАДУ СССР В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТНОЙ КАТЕГОРИИ И РЕГИОНА (в % от общего числа опрошенных, декабрь 2004 г., N=2000 человек)

Группа	Сожалуют	Не сожалуют	Затруднились ответить
<i>Возраст:</i>			
18–24 года	24	58	18
25–39 лет	44	45	11
40–54 года	50	38	12
55 лет и старше	63	29	8
<i>Регион:</i>			
Восток	76	13	11
Запад	8	87	5
Центр	48	40	12
Киев	22	67	11
Север	46	43	11
Юг	61	21	18

Таблица 11
КАКАЯ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ФОРМ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С БЕЛОРУССИЕЙ НАИБОЛЕЕ ОТВЕЧАЕТ ИНТЕРЕСАМ РОССИИ? (в % от общего числа опрошенных в каждом замере)

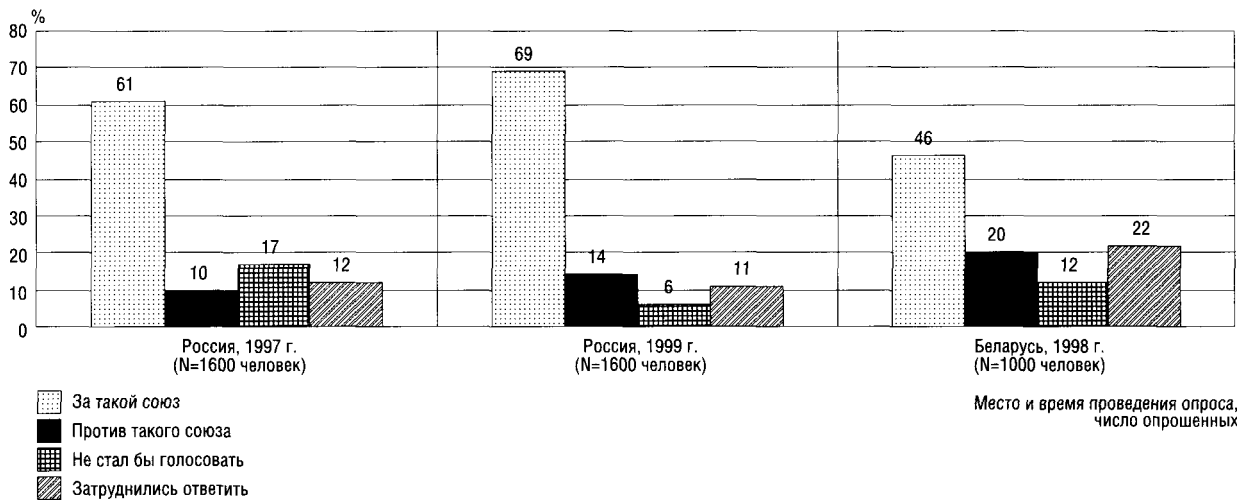
Вариант ответа	Россия, 1997 г.	Беларусь, 1998 г.
Полное слияние в единое государство	34	30
Создание конфедерации	14	25
Независимое развитие при укреплении добрососедских отношений	36	20
Затруднились ответить	16	25
Число опрошенных	1600	1000

Таблица 12
КАК БЫ ВЫ ОТНЕСЛИСЬ К ТОМУ, ЧТО К СОЮЗУ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ ПРИСОЕДИНИЛИСЬ БЫ... (в % от общего числа опрошенных в каждом замере; 2000 г., N=1600 человек)

Вариант ответа	Украина	Казахстан	Армения	Молдова*
Целиком положительно	42	35	29	28
Скорее положительно	34	38	33	43
Скорее отрицательно	11	13	19	10
Резко отрицательно	6	5	9	4
Затруднились ответить	7	9	10	15

* 2001 г., N=1600 человек.

Рисунок 10
ЕСЛИ БЫ В БЛИЖАЙШЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ПРОХОДИЛ РЕФЕРЕНДУМ ОБ ОБРАЗОВАНИИ СОЮЗА БЕЛАРУСИ И РОССИИ, ВЫ БЫ ВЫСКАЗАЛИСЬ... (в % от общего числа опрошенных в каждом замере)



"соседах", в равноправном "Другом" возвращает к проблеме государственно-национальной идентичности России, как она выражена в сознании большинства россиян. При этом важно различать "внутренний" и "внешний" планы, или ося, коллективного самоотождествления.

В первом случае применительно к "себе", значение государственных рамок идентификации россиян на протяжении 1990-х годов заметно снизилось. Если в 1989 г. представление о "народе" связывали с государством 27% опрошенных в России и этот пункт был по значимости вторым в списке после "малой родины", то в 1999 г. эту подсказку отметили 19%, она опустилась на четвертое место; соответственно, доля тех, кто с гордостью ощущал себя советским человеком", сократилась с 30 до 13% опрошенных россиян. Напротив, выросла символическая значимость

места, в котором респондент родился и вырос, "территории", где он живет, и "нашего прошлого", "истории". Однако эти последние характеристики, поскольку они работали именно на "внутреннее" сплочение россиян, как раз и перестали быть общими у России с прежними советскими республиками, которые превратились теперь в независимые государства с собственной территорией, своим языком, пантеоном героев, образами прошлого и т.д.¹

1990-е годы стали для независимых государств постсоветского пространства, их образованных слоев, работников массмедиа, лидеров общественного мнения периодом обостренной

¹ 0 символике украинских денег — портретах национальных героев от великого князя киевского Ярослава Мудрого до председателя Центральной Рады в 1917-1918 гг., историка Михаила Грушевского — см.: Национальные истории... С. 211.

борьбы за символы национально-государственной независимости, прежде всего — за права родного языка и конструкцию коллективного прошлого. Размежевание с советским для республик постсоветского пространства во многом означало размежевание с российским, а в определенной мере — и с русским. В частности, на радио и телевидении, в периодике, в учебниках по географии, истории, языку и литературе новых независимых государств пересматривалось значение таких событий XX в., как октябрьская революция 1917 г., сталинская эпоха (принудительная коллективизация села и вызванный ею массовый голод, государственный террор 1930–1940-х годов, гонения на церковь и ее служителей, депортации целых народов, насильственное присоединение территорий в 1939–1940-х годах, ход, цена и последствия Второй мировой войны) и брежневский период (государственно-централизованная индустриализация и военизация страны, русификация среднего и высшего образования, печати и книгоиздания в республиках СССР, соответствующая система подготовки специализированных и руководящих кадров, идеологический контроль за социальным продвижением и его блокировка по национальному признаку и т.д.)¹. В республиках были коренным образом переоценены социальные движения советского периода за территориальную и национально-культурную независимость, их ведущие фигуры, людские потери в этой борьбе². Все эти процессы нашли выражение как на уровне политических решений власти (принятие деклараций о суверенитете и независимости, о языке, гражданстве, национальных меньшинствах), так и в форме массовых выступлений (акции "живая цепь" в странах Балтии, на Украине), в образовании политических партий, движений, фронтов с национально ориентированными программами.

Однако в России всех этих процессов национально-культурной и национально-гражданской консолидации не было. Лозунги разрыва с советским ("коммунистическим") опытом и символикой в перестроечной публицистике и на митингах в крупнейших городах, сыграв свою мобилизационную роль в конце 1980-х — самом нача-

ле 1990-х годов, вскоре потеряли остроту и смысл. Но и поиски самостоятельных, внегосударственных символов национальной идентичности в России, включая заказ властных верхов на национальную идею в середине 1990-х годов, реальными успехами не увенчались. Так что для россиян идентификация по "внешней" оси, мысленный образ России в ее отношении к "другим" — государствам, странам, народам — по-прежнему оставались советскими, такими, какими они сложились в "классическую" сталинскую эпоху, а затем укрепились и рутинизировались в период застоя¹. Разрыв между "внутренним", частным, территориально-партикулярным и "внешним", государственным, идеологически-всеобщим, преимущественно советским самоопределением или, говоря иначе, адаптивным и символическим контекстами поведения этим не только закреплялся на массовом уровне, но и продолжал увеличиваться.

Шоковое переживание распада СССР, мечтательная тоска по прежнему великодержавному целому, идеализация брежневской эпохи были и продолжают быть связаны для большинства россиян именно с проблематикой имперской самоидентификации, с крахом ее общераспространенных символов, девальвацией официального языка "дружбы народов". Реальные связи с родными, близкими, коллегами в других республиках бывшего СССР, о болезненности разрыва которых столько говорилось в коммунистической пропаганде первой половины 1990-х годов, были вовсе не такими уж тесными. В 1991 г. всего 8% опрошенных (N=5000 человек) заявили о своем желании переехать в другую республику. В 1993 г. (N=1800 человек) лишь 17% россиян (менее 16% собственно русских) указали, что их жизнь в значительной степени связана с другими республиками бывшего Союза, 52% (среди русских — 61%) ответили, что она с ними никак не связана. Только 11% россиян (9% собственно русских) заявили тогда же, что ощущают общность с людьми и историей других республик. Даже негативная (по принципу "дружить против") солидарность с русскими в союзных республиках, ставших независимыми государствами, при угрозе массовой репатриа-

¹ Эти процессы подробнее рассмотрены в кн.: Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999 (2-е изд. 2003); Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: Старые и новые образы в современных учебниках истории. М., 2003.

² О репрессиях советской власти по отношению к этим движениям см.: Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс; М., 1992. С. 7–114.

¹ Характерно, что в коллективных оценках россиян брежневская эпоха, по контрасту с горбачевско-ельцинским "хаосом" в государственном управлении, "гайдаровскими" рыночными реформами и "чубайсовской" приватизацией в экономике, выступает ностальгическим символом благополучия и стабильности, тогда как в республиках бывшего СССР — Украине, Казахстане, Молдавии — с ней идет весьма жесткий исторический расчет, см. о нем в указанных выше источниках.

ции соотечественников и реальных контактах с ними сменилась в сознании и поведении большинства россиян рефлексом защиты и отчуждения¹. Поэтому вполне допустимо считать, что в основе ностальгических чувств россиян по утраченному "единству" лежит не мысль о родных и друзьях, от которых теперь отделяет граница, не сожаление о возможностях прежней географической мобильности, даже не этническая солидарность с русскими за рубежом, которой в массе нет (как десятилетиями не было ее по отношению, например, к эмигрантам), а фантомные боли жителей и представитель метрополии.

Характерно, что советская модель политической системы для большинства россиян не только остается наиболее привлекательной, но доля символически ориентирующихся на нее год от года растет и в среднем по стране, и даже в группах самых молодых россиян; для респондентов старше 40 лет это предпочтение было недвусмысленно выражено уже к середине 1990-х годов².

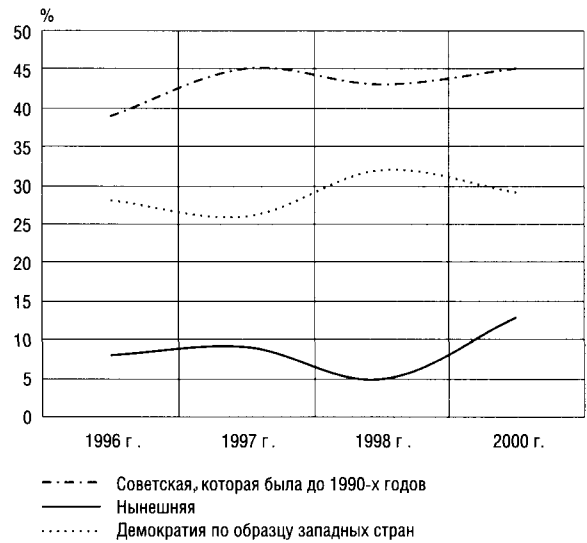
Для 55% опрошенных в 2002 г. (N=1600 человек) СССР был "добровольным союзом свободных республик", 34% не согласились с этой оценкой, считая, что Советский Союз вслед за Российской империей насильственно подчинил себе малые народы и лишил их права на самоопределение. Примерно такова же, на уровне одной трети российского населения, доля тех, кто в 2001–2002 гг. считал, что независимость пошла России и другим республикам прежнего Союза во благо; их оппоненты, видящие в независимости вред, составляли в эти годы опять-таки от 57% в 2001 г. до 49% в 2002 г.

Сохраняющаяся по сей день конструкция коллективной (и по ее образцу — персональной) идентичности в России по-прежнему носит черты имперского доминирования, закрепившиеся в десятилетия сталинского режима и в смягченном виде удержанные в позднесоветские десятилетия³. В рамках государственно-державного целого этнические, национальные, культурные различия оказываются второстепенными, если не вовсе стертными ("культуры, на-

Рисунок 11

КАКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАЖЕТСЯ ВАМ

ЛУЧШЕ? (в % от общего числа опрошенных в каждом замере; N=1600 человек, без затруднившихся с ответом)



циональные по форме и социалистические по содержанию", как это называлось в брежневский период), а гражданское, индивидуальное самоопределение устранено либо минимизировано в пользу лояльности к символам единой коллективной, наднациональной общности. Удостоверение идентичности (в данном случае неважно — коллективной или персональной, существенных различий тут нет) осуществляется в процессах взаимодействия и кодируется в языке общения с помощью демонстрируемых знаков тотального доминирования, властного контроля над ситуацией и ее участниками. Но взаимодействие при этом организовано так, что любые признаки заинтересованности в "другом", как и иные проявления позитивной социальности, например, вежливость, доверие, верность слову, были бы, по представлениям доминирующего, встречены и поняты самим этим "другим" и обобщенным "третьим" (фигурой верховной, безраздельной и бесконтрольной власти, можно сказать, мысленным призраком верховного вождя, хозяина, Сталина) как проявления слабости. Соответственно, формы поведения на равных, предложенные другой стороной, расцениваются претендующим на доминирование как неблагодарность и как посягательство на его, доминирующего, авторитет. Они встречаются обидой, презрением, раздражением и агрессией. Так трактуется и дружелюбие "другой" стороны: ее понимают как слабость и подозревают за ней коварный расчет.

¹ Об официальной стороне этих взаимоотношений см.: *Мукомель В., Паин Э.* Государственная политика России в отношении зарубежных соотечественников // *Новые диаспоры.* М., 2002. С. 112-130.

² См.: *Левада Ю.* "Человек ностальгический": Реалии и проблемы // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.* 2002. № 6. С. 10-11.

³ Об этом см.: *Гудков Л.* Негативная идентичность. М., 2004. С. 121-168, 792-798.

Точно так же обстоит дело с попытками выдвигания других символических основ для коллективной интеграции, тем более, для аргументов, подчеркивающих принципы дифференциации, многообразия, самостоятельности множественных элементов и пр. Любые иные точки зрения, кроме расхожих символов единства и единения, само предложение что-то обсуждать, оспаривать, готовность полемизировать квалифицируются и властью, и массой как проявления слабости, как измена целому и угроза монолитному единству. Они получают в общеупотребительном языке, в дискурсе государственных массмедиа ярлыки наподобие "гнилая интеллигенция" (цитата из Ленина), "они желают свою образованность показать" (из Чехова), "пятая колонна" (скорее всего, из Хемингуэя) и т.п.

Напротив, неумение и нежелание относиться к другому как отдельному и самостоятельному субъекту, непризнание другого, отказ его понимать (своего рода социальный саботаж, саботирование социальности) демонстрируются в качестве знаков собственной доминантной позиции, собственной силы. Это и понятно, поскольку согласованное взаимодействие, в том числе политическое, оценивается только в категориях силы/слабости, показывающих, кто на самом деле "царь горы". Перед нами не всегда осознанные и не преодоленные в коллективном сознании последствия тоталитарного социального порядка, навязчивой риторики враждебного окружения (осажденной крепости), позднейшего противостояния в период "холодной войны". Важно, что подобная конструкция идентичности "мы"—"они" ("чужие") снимает для индивида проблему выбора, самостоятельного действия, индивидуальной ответственности за сделанное. Такая реакция, ревитализирующая старые комплексы, возникает всякий раз, как от бывшего СССР отделяется та или иная часть. Прежняя метрополия встречается в таких случаях с непонятными ей проявлениями солидарности "других" на иных, чем у нее самой, основаниях, например, на основах этнонационального (в Чечне) или национально-гражданского самоопределения (в странах Балтии, а теперь в Грузии и на Украине). И те и другие в России на нынешний день, видимо, невозможны.

Украина сегодня: сценарий самоопределения. Декабрьские события 2004 г. на Украине, получившие название "оранжевой революции", как представляется, демонстрируют вслед за грузинской "революцией роз" определенные возможности позитивной социальной мобилизации на

постсоветском пространстве¹. В массовом недоверии по отношению к центральной власти и ее попыткам манипулировать электоральным процессом нашло выражение многолетнее недовольство более активных слоев населения Украины президентством Л.Кучмы, знаками которого были в 2000-2001 гг. так называемый "кучмагейт" и массовая кампания "Украина без Кучмы". В рамках тогдашних коллективных инициатив проявились те новые лидеры и цивилизованные формы гражданского неповиновения, зачатки самоорганизации и сетевые связи, которые сделали реальностью в ноябре-декабре 2004 г. организованный протест скомпрометированным властям в центре и на западе страны, многодневное "стояние" на столичной площади Независимости и в конечном счете отмену результатов второго тура президентских выборов, переголосование и победу Виктора Ющенко. Наличие лидерской группы (групп) и четких социально-политических целей вместе с отказом от политического использования образа "врага" и фигуры "особого пути" как способов экстренной мобилизации, высокий уровень организованности и неагрессивности протестных проявлений, не нарушивших, как и намечали участники, ни одного пункта конституции², кажется, позволяют характеризовать произошедшее на Украине как массовое социальное движение за национально-гражданское самоопределение страны.

Стоит подчеркнуть, что представления о враждебности этого движения в отношении России муссировались исключительно оппонентом и конкурентом В.Ющенко на выборах. Кроме того, они подогревались в Москве и в Киеве российскими околоправительственными политтехнологами, исходящими из геополитических видов путинской власти, а соответственно, и транслировались через государственные каналы российских массмедиа³. Так или иначе опре-

¹ Своего рода стартовая для этих сдвигов ситуация 2000-х годов на Украине, в ее сравнении с российской, в общих чертах охарактеризована в нашей публичной переписке с Володымыром Куликом. См.: Россия и Украина. Публичные дискурсы и ожидание перемен // Неприкосновенный запас. 2003. № 2 (28). С. 43-2.

² Ситуативным тактическим просчетом было, пожалуй, только самопровозглашение В.Ющенко президентом страны и его присяга на Библии.

³ Фраза из письма 12 видных украинских деятелей культуры (октябрь 2004 г.) о русском языке как "языке попсы и блатняка"—еще одна досадная неточность: как признал один из авторов письма, известный писатель Юрий Андрухович (он родился в 1960 г.) на "круглом столе" в Москве 25 января 2005 г., имелся в виду, конечно, "советский" язык как инструмент принудительной русификации, в том числе через концерты на Украине московских "звезд" и целых делегаций столичных эстрадных артистов, транслируемые затем по украинскому телевидению и т.п. —

деленная, но отнюдь не преобладающая часть российского населения эти представления о негативной мобилизации через образ национального врага приняла. По данным нашего ноябрьского опроса 2004 г., 35% россиян высказали опасение, что в случае победы В.Ющенко Украина отойдет от союза и дружбы с Россией, 28% с ними не согласились, 37% затруднились с однозначным ответом. В значительной мере усвоенными оказались и стереотипы официальных и официозных российских медиа относительно сил и движущих мотивов украинских событий в ноябре-декабре 2004 г. Больше половины респондентов — в сумме 56% (декабрь 2004 г., N=1600 человек) — заподозрили за происходившим прежде всего корыстные мотивы: схватку крупных промышленных кланов, происки зарубежных сил, под которыми, как можно полагать, имели в виду прежде всего американские спецслужбы, подкуп населения и его лидеров — все то, о чем с экранов первого и второго каналов российского телевидения вечер за вечером вещали В.Никонов, С.Марков, М.Леонтьев и др. Проявления массового недовольства коррумпированностью властей и грубыми подтасовками в ходе выборов, особенно на втором их этапе, увидела в украинских событиях вдвое меньшая группа россиян (в сумме 28%), остальные затруднились с ответом.

Замечу, что среди украинского населения определенная настороженность относительно гегемонистских и экспансионистских установок официальной российской власти существовала, но эта позиция вовсе не была преобладающей (рис. 12).

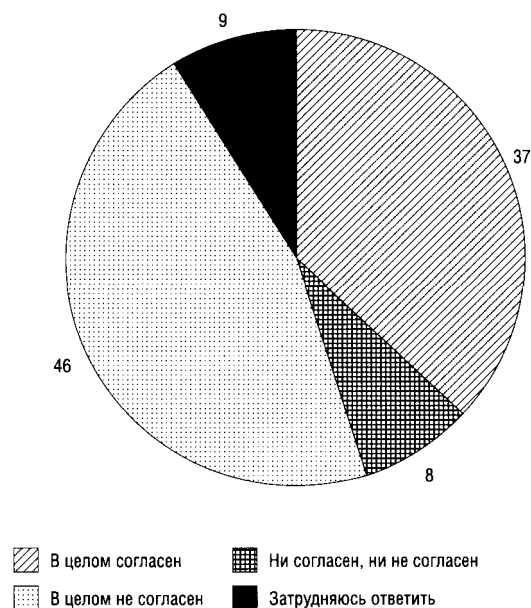
Сходную функцию самозащиты и мобилизации "от противного" несло представление о воображаемом расколе Украины на "две Украины" — запад и юго-восток, с мнимой перспективой гражданской войны и т.п.: и в России, и на Украине его порождали и транслировали на массы те

отсюда и отсылка к "попсе". Выражение "блатняк" имеет в виду нашумевшую установку российского президента «"мочить" террористов в сортире». Вообще бесцеремонное вмешательство российской официальной власти в украинскую электоральную ситуацию, ее совершенно абсурдное в тогдaшнем положении чувство превосходства, исключительно закулисный характер переговоров В.Путина и его команды с Л.Кучмой и его чиновниками вызвали явное отторжение у большинства украинцев, что выразилось в нескольких антипутинских (но не антироссийских) плакатах на киевском Майдане; запоздалые шаги московских властей по упрощению процедур регистрации для приезжих из Украины были предприняты явно вдогонку случившемуся и никакого влияния на происходившее уже не оказали. Подробнее о культурных отношениях двух стран, в том числе о русификации Украины, см.: *Пирожков С.* Этнокультурное взаимодействие Украины и России: Противоречия и пути их преодоления // Новые диаспоры. С. 257-273.

Рисунок 12

В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С МНЕНИЕМ, ЧТО СЛИШКОМ БОЛЬШОЕ ВЛИЯНИЕ РОССИИ УГРОЖАЕТ УКРАИНЕ УТРАТОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ?

(в % от общего числа опрошенных; Украина, 2000 г., N=1000 человек)



же правящие политические круги и их технологическая обслуга. Между тем структура национально-политического сообщества на Украине, насколько можно судить, гораздо более сложна. Выше уже приводились данные о голосовании востока и юга Украины на референдуме о суверенитете в 1991 г.: преобладающее большинство населения во всех регионах высказались за независимость страны. Собственно этнических русских на Украине, по данным переписи 1989 г., было 22%. Примерно столько же или чуть больше, по данным опроса тогдашнего ВЦИОМ на Украине (2000 г., N=1000 человек), было тех, кто считал более близкой себе русскую культуру (27%). 61% населения страны признал тогда более близкой себе культуру украинскую (7% назвали более близкой культуру Запада).

Проблема "единой Украины", как представляется, состоит вовсе не в угрозе раскола и противостояния, как это преподносила пропаганда В.Януковича и недвусмысленно поддерживавшая его кремлевская власть. Это проблема сложной, многоуровневой интеграции страны в ходе реально существующей сегодня, пусть еще зачаточной дифференциации, к тому же несущей на себе следы советской военизированной модернизации и урбанизации, кадровой политики и т.д. Дифференциация сообществ, регионов и столиц

по функциональному типу на административные, деловые, промышленные, культурные, религиозные, рекреационные и пр. — нормальная черта модернизирующихся и современных обществ. В них границы коллективных идентичностей по всем перечисленным ценностно-нормативным осям, можно сказать, — границы различных функциональных институтов и подсистем, по большей части не совпадают, а перекрывают друг друга. Это взаимоналожение ценностей, ориентации, смысловых порядков разного типа и уровня является механизмом и гарантом устойчивости, гибкости, динамичности целого, придает социальной ткани своеобразную "упругость".

Угрожающим подобный процесс умножения осей самосоотнесения и фокусов коллективной солидарности выглядит только с точки зрения тоталитарного целого и поддерживающей его риторики принудительного, неукоснительного солидаризма при постоянном сознании ненадежности, хрупкости, уязвимости будто бы достигнутого здесь единства. Если же отрешиться от подобных идеологических оценок, то за проявлениями культурных, политических, религиозно-национальных различий между западной и восточной, северно-центральной и южной Украиной можно было бы видеть не деструктивные начала, а известный потенциал развития, значимый социокультурный ресурс модерности. Запад страны — при всем единодушии его населения и гораздо более полном отторжении от советского и современного российского — не антагонистически противостоит востоку, а дополняет его, между ними есть опосредующие звенья (институты, группы, каналы коммуникации). С известным огрублением можно сказать, что запад здесь — что-то вроде бродильного начала, поддерживающего оппозицию официальной власти как власти советской, а более ориентированный на официальную власть восток — начало уравнивающее, в определенной мере инерционное. Особое значение при этом приобретает символический центр, Киев как точка соединения интеллектуальных ресурсов страны, национальных символов и политической власти.

Важно отметить, что эта власть имеет не репрессивно-имперский или даже защитно-имперский характер, а выступает чем-то вроде посредника между различными сообществами, стабилизирующего момента, баланса различных импульсов. Так, ни Л.Кравчук, ни Л.Кучма не были ни харизматическими фигурами, ни авторитарными вождями нации — они даже независимо от собственного желания самой расстановкой фигур на политической сцене принуждались лавировать между различными группиров-

ками как внутри страны, так и во внешней политике, пытаясь достичь относительного согласия между ними (поэтому здесь практически не было сколько-нибудь заметных политических сил, прокламировавших разрыв с Западом, нагнетавших риторику противостояния Америке, антиглобализационные лозунги и т.п.). Именно поэтому на Украине и, в частности, в Киеве, в отличие от Москвы, ни в 1991 г., ни в 1993 г., ни в 2004 г. не оказались востребованы танки.

Кроме всего прочего, подобная не репрессивная, ориентированная на компромисс, балансирующая между национальными ценностями и ориентациями на Запад, политика имела своим следствием то, что выросшее за 1990-е годы поколение украинской молодежи (кстати, более многочисленное, чем предыдущие, и появившееся в условиях своеобразного бэби-бума) не знало чеченской войны, ее физических и моральных потерь, угрозы самого призыва на нее. Она не была охвачена и повальным стремлением поступить в какой угодно вуз, только бы не попасть в "горячие точки", а уже это, в свою очередь, не могло не повлиять на направленность ее интересов, уровень аспирации и достижений, общее самосознание. Не случайна массовая вовлеченность более образованной, активной и успешной молодежи не только в "стояние" на площадях Киева, Харькова и ряда других городов Украины, но и в организацию этих процессов, в управление ими (скажем, комендантом харьковского майдана был чрезвычайно популярный среди украинской молодежи 30-летний поэт С.Жадан¹). В любом случае это был выбор людей, которые реально хотят изменить жизнь и почувствовали, что от них многое зависит. Среди кремлевских политологов, а с их легкой руки и в российских медиа все это недоброжелательно окрестили "детским праздником непослушания". Можно надеяться, что импринтинг такого позитивного опыта, каким были для украинской молодежи и активной части украинского общества в целом декабрьские дни 2004 г., не окажется без последствий в дальнейшем.

Определенное значение для участников декабрьских событий 2004 г. (и шире — для всего оппозиционного движения конца 1990-х — начала 2000-х годов) имел пример посткоммунистических стран Восточной и Центральной Восточной Европы, их траектории выхода из подсоветского тоталитарного и авторитарного режи-

¹ См. русские переводы его стихов в антологиях "Станислав+2*" (М., 2001), "Мы умрем не в Париже" (М., 2002), "История культуры" (М., 2004).

ма. Показательно, что среди сотен тысяч тех, кто стоял на киевском майдане, было немало приехавших из Польши, Венгрии, Чехии. А символически эта взаимная заинтересованность и сознание близости выражались в присутствии президентов Польши и Литвы за столом переговоров. Историческое и цивилизационное значение этого акта, учитывая многовековые претензии упомянутых стран друг к другу, вряд ли можно переоценить. Тем самым элементы позитивной солидарности, об источниках и формах которой здесь идет речь, получили символическое выражение и на межгосударственном уровне (отдельно стоило бы говорить о проявлениях обоюдосторонней заинтересованности и солидарности с Грузией, они тоже имели место как на уровне масс, так и между лидерами двух "революций").

Интересна роль медиатехнологий в декабрьских событиях. Воздвигнутая посреди Киева, т.е. в центре центра страны, сцена с видеоэкраном и усилителями звука выступила не только трибуной для лидеров, средством информирования присутствующих, фокусом интеграции для стоявших на площади (напомню, что все они, словно в зеркале, видели на экране самих себя в реальном времени). Задав границу особого пространства, "игрового" или "карнавального", по выражению Ю.Левады, Ю.Андруховича и др., она представила происходящее в виде своеобразной аллегии: народ вышел на сцену и обрел голос. При этом с массовым телевидением конкурировали медиальные средства, принципиально иные по коммуникативному устройству, по направленности и масштабам действия, по функциям и "публике". Сильно обобщая, можно сказать, что официальному телевидению с его нивелирующей всеобщей адресацией здесь как бы противостояли межличностный Интернет и мобильные телефоны (оппозиционный телевизионный канал тоже имел гораздо более узкое действие, чем его государственные соперники). Без этих "мобильных", в широком смысле слова, средств ни достигнутый тогда уровень организованности, ни масштаб взаимопомощи были бы, как свидетельствуют участники и очевидцы событий, невозможными. Технологии не создают социум, а проявляют и оформляют его. Сегодня перед украинским обществом и его лидерами, их командой стоит задача перехода от организованного противостояния скомпрометированной постсоветской власти к организованному строительству новых гражданских институтов и многообразных форм позитивной солидарности.

Вместо заключения. Реакция на украинские события со стороны преобладающей части россиян, политической верхушки и "лидеров мнений

в массмедиа не так уж много говорит о происходящем на Украине — куда в большей степени она выявляет нерешенные проблемы самой России. Большинство россиян привычно демонстрируют остатки державно-тоталитарного комплекса представлений при отсутствии сколько-нибудь значимого в социальном или политическом смысле национально-гражданского самосознания. Астенция и агрессивность, характерные для общественного климата в России второй половины 1990-х годов, теперь трансмутированы в равнодушие и раздражение по адресу "Другого", особенно когда этот "Другой" добивается какого-то успеха.

Подавляющее большинство российского социума годами относилось к происходящему на Украине без особого внимания. И только декабрьские события 2004 г., пример единения на киевском майдане, отмена результатов второго тура президентских выборов и повторное голосование, победа В.Ющенко заставили значительную часть россиян посмотреть на происходящее более внимательно (табл. 13). Впрочем, и тогда среди населения России, если говорить о количественных параметрах, по-прежнему возобладала незаинтересованность.

В этих оценках явно сказывается державно-имперский комплекс превосходства, о котором уже говорилось выше и который с простодушной наглостью проявился в строчках газмановской песни, взятых в качестве одного из эпиграфов к статье (автор исполнил ее в канун нового 2005 г. на праздничной церемонии награждения работников МВД). Поскольку же "демократию" для большинства россиян, при их недоверии практически всем социальным и политическим институтам, кроме армии и церкви, представляет фигура президента, то происходя-

Таблица 13
НАСКОЛЬКО ВНИМАТЕЛЬНО ВЫ СЛЕДИТЕ ЗА СОБЫТИЯМИ, ПРОИСХОДЯЩИМИ СЕЙЧАС НА УКРАИНЕ?
(е % от общего числа опрошенных в каждом замере; N=1600 человек)

Вариант ответа	2001 г.	2004 г.	
		Ноябрь	Декабрь
Очень внимательно	4	5	11
Довольно внимательно	21	21	31
Без особого внимания	48	50	42
Совершенно не слежу	24	22	15
Затруднились ответить	3	2	1

Рисунок 13
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КАКАЯ ИЗ СТРАН ЯВЛЯЕТСЯ БОЛЕЕ ДЕМОКРАТИЧНОЙ? (в % от общего числа опрошенных, 2004 г., декабрь; N=1600 человек)

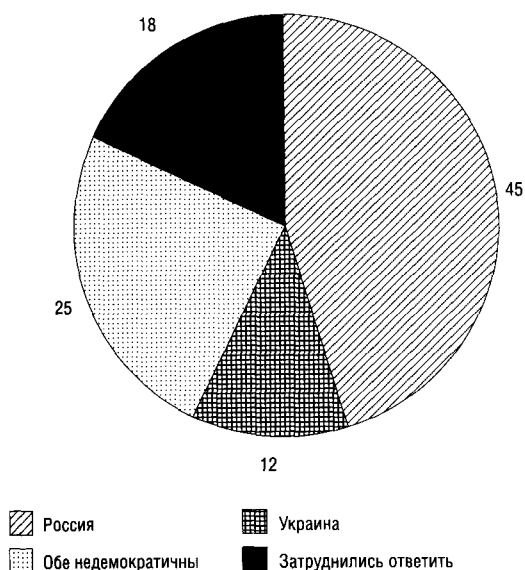
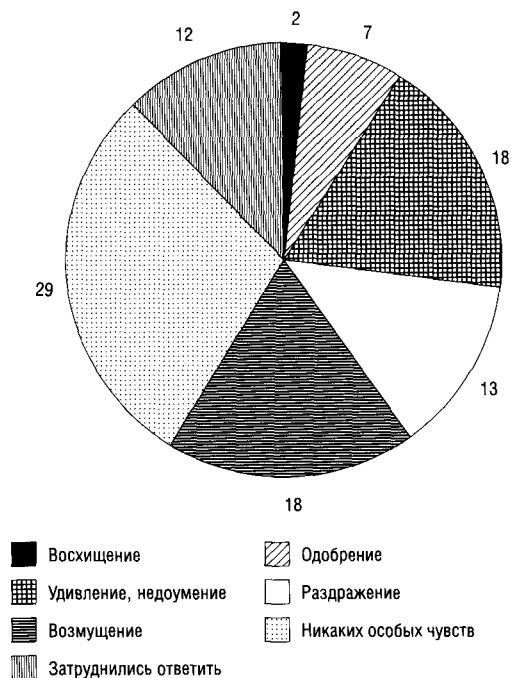


Рисунок 14
КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗВАЛИ У ВАС ДЕЙСТВИЯ УКРАИНСКОЙ ОППОЗИЦИИ ПОСЛЕ ВТОРОГО ТУРА ВЫБОРОВ? (в % от общего числа опрошенных, 2004 г., декабрь, N=1600 человек)



щее на Украине воспринимается преобладающей частью российского населения как угроза законной власти, беспорядок и хаос. Видимо, отсюда оценка Украины как менее демократичного государства, чем Россия (ответ "обе недемократичны", скорее всего, имеет в виду номенклатурно-бюрократические тенденции, "телефонное право" и тому подобные явления в системах государственного управления при Л.Кучме, с одной стороны, и при позднем Б.Ельцине, а затем при В.Путине — с другой) (рис. 13 и 14).

Другой план анализа и осмысления произошедшего должен иметь в виду дальнейшую реакцию на украинские события со стороны различных политических сил на верхах российской власти — реакцию, обращенную, за невозможностью реально переломить положение дел на Украине, внутрь самой России. Здесь, вероятно, не исключены перспективы демонстративных акций власти по устрожению масс, особенно направленных на учащуюся молодежь (возможная отсрочка от призыва в армию, усиление военно-патриотического воспитания в школах и вузах), на работу массмедиа, как находящихся в государственном подчинении, так и независимых от государства, на деятельность

общественных фондов, союзов, партий и движений (усиление цензуры, рестриктивная политика). Понятно, что тем самым будут открыты новые возможности для неподконтрольных действий правоохранительных органов, для произвола в деятельности суда и прокуратуры, вообще ставших за последние год-два послушным придатком официальной власти и транслятором ее политических интересов.

Если эти меры и впрямь будут предприняты властью или "продавлены" отдельными группировками в ней (прежде всего представителями силовых ведомств), они, скорее всего, не увеличив порядка и осмысленности происходящего в российском социуме, еще больше осложнят ситуацию в стране, которую понемногу охватывает социальное брожение и где за истекший год заметно выросли как протестные настроения, так и реальная забастовочная активность. Оппонентом правительства в России выступают — и в этом, среди прочего, состоит отличие социальных волнений от социального движения, имевшего место на Украине, — самые массовые, самые неимущие, наименее образованные, а до недавнего времени и наименее активные слои населения.